

СМЕРШ —

спецназ Сталина

**СЛЕД
В ЗАБРОШЕННОМ
ДОМЕ**

Александр Талочников

Александр Александрович Тамоников

След в заброшенном доме

Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51402388
След в заброшенном доме: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109822-3*

Аннотация

Лето 1943 года. В Брянской области действует немецкая шпионская сеть. Задача одной из групп – провести диверсию на прифронтовом железнодорожном узле. Фашисты уверены в успехе, ведь на советской стороне им помогает надежный агент. Но оперативникам капитана СМЕРШ Ивана Осокина удастся захватить диверсантов. От них контрразведчики узнают о «кроте». Но как его вычислить? Попытка взять предателя «на живца» не удастся: агент слишком хитер и осторожен. Необычное решение Осокину подсказала одна странная встреча...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Александрович Тамоников След в заброшенном доме

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Быстровский район Брянской области оккупанты очистили от партизан еще зимой. Он занимал незначительную площадь в 140 квадратных километров, вмещал в себя крупное село Быстровку, несколько деревень и никогда не являлся надежным оплотом Советской власти. Количество крестьян, раскулаченных здесь, намного превышало средние показатели по стране. Число лиц, согласившихся в ноябре сорок первого сотрудничать с нацистским режимом, вполне устраивало немецкое командование.

В районе дислоцировались венгерский и немецкий батальоны, карательная рота СС и несколько подразделений вспомогательной полиции, сформированных из местных жителей.

Советские партизаны действовали в этих местах до января сорок третьего года. Спустя неделю после Нового года, в канун православного Рождества, партизанская база товарища Субботина, расположенная в Зыряновском лесу, была уничтожена карателями. Атаке предшествовал минометный обстрел. Сопротивление было недолгим, потери карателей – мизерными.

Победители отвели душу. Партизан и членов их семей они расстреляли, повесили на осинах, соорудили из деревьев импровизированные дыбы и порвали людей на куски. Базу в

зимнем лесу выжгли дотла.

На следующий день после расправы айнзатцкоманда гауптштурмфюрера СС Вальтера Хольта взяла в кольцо деревню Зорьки. Фашисты подозревали ее жителей в связях с партизанами. Из огненного ада не вырвался никто. Дома эсэсовцы сожгли из огнеметов. Все население деревни, включая старцев и маленьких детей, они заперли в колхозном амбаре и подожгли.

С этого дня на объектах вермахта и в учреждениях оккупационной власти стало тихо. Никто их не обстреливал, не сеял неразбериху в тылах германской армии. В штабы поступали сведения, что в лесах опять собираются местные жители, недовольные новыми порядками, в тыл заброшена диверсионная группа, призванная стать костяком нового партизанского формирования. Но ситуация пока находилась под контролем.

В самой Быстровке царили тишь да гладь. Полиция поддерживала порядок, была наделена дополнительными полномочиями. В июне сорок третьего здесь размещалась материальная база танкового корпуса, действующего на границе с Курской областью.

На краю поселка функционировала школа абвера по подготовке разведчиков и диверсантов, окруженная березовой рощей. Учебный корпус разместился в здании средней школы, для тактических занятий использовались окрестные леса и овраги. Стрельбы проводились в заброшенном щебеноч-

ном карьере.

Дела на фронте в последнее время шли неважно. В районе Курска командованием вермахта готовилась мощная наступательная операция. Советы планировали не менее масштабные действия.

Из Берлина поступил приказ ускорить подготовку курсантов. Школа была не маленькая, в ней одновременно проходили подготовку до ста человек. Четыре учебных класса, опытные преподаватели из числа немецких специалистов и бывших советских граждан.

Недостатка в курсантах не было. На учебу принимались только добровольцы, прошедшие жесткий отбор. Подготовка занимала четыре месяца. Этого хватало. Процесс обучения был максимально уплотнен. Курсанты днями напролет осваивали стрелковое и взрывное дело, радиосвязь, рукопашный бой, ориентирование на местности, структурный состав Красной армии, занимались общей физической подготовкой. На уроках психологии до них доводилось умение втираться в доверие, разговорить человека, вытянуть из него важную информацию.

Люди, сдавшие выпускные экзамены, недолго наслаждались свободой. Их поджидали боевые задания, сколачивались группы под началом самых надежных выпускников. Им очень быстро представлялась возможность доказать свою преданность Третьему рейху.

К востоку от Быстровки располагался военный аэродром,

где стояли транспортные самолеты, предназначенные для выброски десанта. Группы уходили по разным направлениям – на Орловщину, в районы Курской области, занятые советскими войсками.

Вечером 24 июня готовилась к отправке одна из подобных групп. Инструктаж диверсанты уже прошли, суть задания уяснили. Бывшие курсанты выстроились в шеренгу в спортзале школы, вооруженные, в полном облачении. Их было восемь.

Руководил группой бывший майор Красной армии Федоренко. Этот коренастый не улыбочивый человек имел личный счет к большевикам и их общественному строю.

Выпускники стояли с каменными лицами. От десантного контейнера они решили отказаться, все необходимое несли с собой. Группе требовалась мобильность.

Внешний осмотр подошел к концу. Сухопарый майор Фосс, заместитель начальника школы полковника Штагеля, удовлетворенно кивнул и направился к своему шефу, стоящему в стороне.

Из строя вышел Федоренко, начал что-то выговаривать своим подчиненным. К нему подошли старшие преподаватели – капитан Зейнц, идеально владеющий русским языком, и Михаил Парамонов, в прошлой жизни преподававший физическую подготовку в школе специального назначения НКВД.

Германское руководство доверяло этому человеку. Его семья подверглась репрессиям, а ему самому с немалым тру-

дом удалось бежать в Польшу. Курсантов Парамонов гонял до полного изнеможения, и порой у немцев складывалось впечатление, что ненавидит он не только советский строй, но и всех своих соотечественников, даже бывших. На него не раз поступали жалобы. Руководство проводило с ним беседы, но преподаватель лишь пожимал плечами. Мол, не нравится вам мой стиль работы, отправляйте меня в концлагерь, а для этих бездельников подбирайте нового физрука, доброго, белого и пушистого.

Начальство терпело. Преподаватель был очень толковый и ковал богатырей.

Да и обучение уже закончилось. Вчерашние питомцы теперь поглядывали на учителя без прежней покорности, а Парамонов снисходительно усмехался в усы.

– Люди готовы, майор? – спросил полковник Штагель.

Он придирчиво разглядывал выпускников, и что-то его беспокоило.

– Да, господин оберст, – ответил майор Фосс. – Эти люди прошли инструктаж и готовы к выполнению заданию. Они лучшие в последнем выпуске. Морально стойкие, никаких признаков неуверенности или духовного падения в процессе подготовки не выявлено. К большевикам не пойдут и прятаться в кустах не будут. Большинство составляют русские и уроженцы восточных областей Украины. Люди научены работать в группе и поодиночке. Они будут выброшены южнее Свинова, там разделятся и в город проникнут парами.

Документы безупречны. Встреча с представителем Циклопа назначена на завтра. Если кого-то схватят, то остальные не пострадают в силу своей разобщенности. Они знают, что делать в случае провала. У каждого есть ампула с ядом.

– Полагаете, Георг, эти люди способны принять яд? Вы не чересчур их идеализируете?

– Как ни странно, нет, герр оберст. У этих людей тяжелые грехи перед Советами. А принятие яда хотя бы избавит их от предсмертных страданий. Контактировать с Циклопом они не будут. Это слишком ценная фигура, чтобы подвергать ее риску. Поработают с людьми, выступающими от его имени. Надеюсь, им удастся осесть в городе, не вызвав подозрений. Мы преследуем две цели. Военная активность противника в районе Свинова весьма настораживает. Город расположен в пятнадцати километрах от линии фронта. До него мы не дошли. Это фланг группировки русских, там, севернее Курского выступа, не должно быть главного удара. Но на станции в Свинове ежедневно разгружаются воинские эшелоны, туда прибывают танки. Часть войск укрепляет группировку, занимающую позиции в этом районе, остальные направляются на другие участки фронта, в том числе для усиления Пятой армии русских. К сожалению, у Циклопа пока не сложилось определенного мнения по данному вопросу, но он работает над этим. Наши люди должны оказать содействие. Возможно, мы имеем дело с обманным маневром, русские отвлекают наше внимание. Но в любом случае – и это вторая задача

группы Федоренко – Циклоп выявил ряд объектов, подлежащих немедленному уничтожению. Своими силами он это не сделает, может только поставлять нам ценные сведения.

– Вы верите Циклопу, Георг?

– Безусловно, герр Штагель. Надежность Циклопа не внушает сомнений. Не побоюсь заявить, что это самый ценный наш агент в полосе Воронежского фронта русских. К сожалению, он может действовать только в Свиروه, но это компенсируется качеством материалов, предоставляемых им.

– Ну что ж, мы всегда рассчитываем на успех, а также на то, что бог нам поможет. – В этих словах оберста звучала ирония. – Все это хорошо, Георг, и я действительно надеюсь на лучшее. Условия переброски вы отработали?

– Так точно, герр Штагель! Место высадки определено самим Циклопом. В районе южнее Свинова нет советских частей, военных объектов и гражданского населения. Это край болот и труднопроходимых осиновых лесов. Сейчас в районе предполагаемой высадки стоит плотная облачность. К ночи она усилится, но осадки маловероятны. Самолет пойдет над облаками, без бортовых огней. Есть узкое место в районе Бежинского леса, которое ПВО противника не контролирует. Для отвлечения внимания русских мы поднимем шум в районе Колзино, это двадцать километров южнее. Там будет проведен артобстрел. В небе появится пара штурмовиков.

– Как мы убедимся в том, что группа прибыла к месту выполнения задания?

– Циклоп отправит радиогамму с условным текстом.

– Вас не смущает, Георг, что в последнее время выпускников нашей школы преследуют досадные неудачи? – задал Штагель неожиданный вопрос. – Группа Шверка, выброшенная в прошлом месяце под Морозовкой, попала к русским. Ее там словно ждали. Часть группы погибла. Радист успел подать сигнал провала и больше на связь не выходил. Из иных источников мы узнали, что эту тему можем смело закрыть. Та же участь постигла отряд гауптштурмфюрера Эхмана. Он даже не добрался до места проведения диверсии. Чуть лучше получилось у людей Звягина. Они прибыли в Осиновку, внедрились, но сведения, поступавшие от них, не имели никакого практического значения. Головорезам Штраузе удалось подорвать мост, но русские через сутки навели понтоны. Они взорвали склады ГСМ с фактически пустыми на тот день емкостями. В тылу противника под Орлом работают подчиненные майора Борхарта. Они закрепились там, установили канал радиосвязи. Но я бы не сказал, что сведения, передаваемые ими, являются чрезвычайно важными. Порой возникает опасение, что они работают под надзором русских. У вас имеются мысли на этот счет, Георг? Признайтесь в том, что нам нечем похвастаться.

Майор Фосс смущенно кашлянул, отвел глаза и проговорил:

– Не все так плохо, герр Штагель. Это временные трудности. Пусть нам что-то не удается. Да, мы теряем людей – в ос-

новном, кстати, выходцев из СССР, а не из Германии, – однако контролируем ситуацию, имеем представление о дислокации и планах Красной армии. У них в тылу работают ценные агенты, провалить которых очень трудно. Например, тот же Циклоп. Сожалею, герр Штагель, но нам нужно пересматривать подходы к работе. Русские уже не то беспомощное стадо, которое они представляли собой два года назад. Они не только перестроили промышленность. У них другая армия, иные подходы к разведывательной и контрразведывательной деятельности. Теперь у русских есть организация со странным названием СМЕРШ. – Майору потребовалось усилие, чтобы выговорить это слово правильно. – Так называемые особые отделы выведены из подчинения НКВД и приданы наркомату обороны. Это управление военной контрразведки, организация серьезная. У них строгое деление, диапазон задач, они привлекают лучших специалистов. Раньше доставалось своим, большевики подвергали репрессиям невинных людей. Сейчас эта практика уходит из приоритета. Для нас это весьма печальный факт. Контрразведка русских – достойный противник, герр Штагель.

– Вы объясняете мне все это, как курсанту, – сказал полковник и поморщился. – Я в курсе, что такое СМЕРШ. Никто не предлагает вам недооценивать противника. Отправляйте группу, майор. Бог им в помощь. А вам советую приглядеться к преподавательскому составу и обслуживающему персоналу нашего заведения. Не будет лишним допол-

нительно проверить курсантов на предмет благонадежности. Вам никогда не приходило в голову, что источник наших неприятностей может находиться в стенах этой школы?

– Входим в зону! – прокричал пилот. – Время готовности – две минуты!

Василий Федоренко напрягся, обвел придирчивым взглядом подчиненных. Они сидели кучно, лица их отливали зеленью. Самолет безжалостно трясло, грохот стоял адский. Освещение было тусклое, лампа моргала, хищные тени сновали по физиономиям парашютистов.

– Проверить снаряжение! – рыкнул Федоренко.

Люди завозились, подтянули ремни, проверили пряжки. Все в брезентовых комбинезонах, обтягивающих шапках с ремешком под подбородком. Из оружия – только советские «ТТ» с двумя запасными обоймами. За спиной ранцы с парашютами, на животах прочно закреплены рюкзаки с одеждой, документами и прочими необходимыми вещами.

Первыми покинули самолет обладатели повышенной массы – Гусинский и Попелюк. Последним – худой и жилистый Коровин, дослужившийся в Красной армии лишь до звания сержанта. Они гуськом, как в вату, падали в плотную непроницаемую облачность. Не видно ни зги, повсюду облака, где земля – бес ее знает, руки так и тянутся дернуть за кольцо. Но десантники проявили выдержку, парили в облаках. Расползлась серая хмарь, вырисовывались очертания местности.

Плотная пелена осталась наверху. Под ногами появился лес. Он стремительно приближался. Виднелись опушка и большое поле.

Федоренко дернул за кольцо. Парашют распахнулся, последовал сильный толчок. Он стал натягивать стропы, корректируя траекторию.

Шестеро приземлились в поле, с приличным разбросом. Двое – бывший командир комендантского взвода Лапченко и заместитель Федоренко Островой – не миновали леса, зацепились за деревья. Корявые ветки порвали парашютный шелк.

Островой подогнул ноги, упал в кустарник, расцарапал щеку и выругался. Он резво поднялся, стал подтягивать к себе лоскутья парашютной ткани. Ломались ветки, тряслась листва.

Лапченко повезло меньше. Его парашют зацепился за соседние деревья, и он повис в двух метрах от земли. От рывка ему чуть не вышибло дух. Первые мгновения он просто висел, приходил в себя.

– Ну и чего ты там завис, как сопля? – прошипел Островой, который уже был рядом, комкал обрывки парашюта. – Прыгай, Николай, я поддержу.

Лапченко задергался, подтянул к себе правую ногу, выудил из специального кармана нож-стропорез. Вещица была удобной, лезвие открывалось одной рукой. Он извернулся. Последняя стропа порвалась, как гитарная струна. Лапченко

повалился на товарища, оба покатались по земле. Дело как-то обошлось без увечий, но матерной ругани по этому поводу было много. Парашют белел среди деревьев, как бельмо на глазу. Немецкие агенты схватились за стропы, за ножи, стали стягивать его, резать материю.

Василий Федоренко приземлился в тридцати метрах от опушки, угодил в борозду, заросшую сорняками. В лучшие времена здесь было картофельное поле. Парашют плавно опустился за его спиной и сдулся, как гигантский футбольный мяч. Он расстегнул все четыре пряжки, сбросил ранец, сел на корточки и стал осматриваться.

Метрах в сорока от него кого-то накрыло шелком. Абсолютно безграмотное приземление! Впрочем, незадачливый десантник выпутался и начал комкать свое хозяйство.

Это был Коровин, житель ни много ни мало города Москвы, мобилизованный в Красную армию в декабре сорок первого прямо со студенческой скамьи. Мама с папой расстреляны Советской властью. Парень физически развитый, за плечами сдача всех ступеней ГТО. Впрочем, прыжки с парашютом он тогда, по-видимому, прогулял.

Двое застряли в лесу, глухо ругались, избавляясь от парашютов. Еще четверых разбросало по полю. Там белели купола парашютов.

Федоренко облегченно вздохнул. Кажется, справились, никого не надо искать с собаками.

Собирались они в лесу, вблизи опушки, по условному сиг-

налу фонарем. Островой и Лапченко курили, пряча в рукава папиросы «Казбек». Командиру группы пришлось прикрикнуть на них.

Минут через пять подтянулись остальные. Люди тяжело дышали. Парашюты с ранцами они утрамбовали в канаву, завалили ветками и прелой листвой.

– Медленно работаем, господа десантники, крайне медленно, – попрекнул их сквозь зубы Федоренко. – Все в порядке?

– Нормально, командир, – проворчал грузноватый Гусинский. – Только башка как картошка.

– Ты башкой вниз падал? – осведомился Гладыш, весьма склонный к ехидству. – Что же ты так неосторожно, Владимир Петрович?

– Да пошел ты!.. – буркнул Гусинский.

Гладыш что-то непринужденно засвистел.

– Слышь, музыкант! – одернул его Федоренко. – Ты свистелку заткни, пока я ее тебе не сломал.

– Яволь, командир, – согласился Гладыш и замолк.

В лесу стояла тишина. Как на сельском кладбище в безлунную ночь. Федоренко достал пистолет, сместился к опушке, пристроился за деревом. Непокойно было на душе. Вроде тихо все, высадились удачно, а он никак не мог отделаться от безотчетной тревоги. Трусом Федоренко не был, психопатическими наклонностями не страдал, давно распрощался с честью, совестью, страхом смерти. Осталась

лишь слепая ненависть к Стране Советов, в которой ему довелось прожить большую часть жизни.

На север простиралось картофельное поле, метров восемьсот открытого пространства. Далее осинники, березняки, прорезаемые тонкими тропками. До окраин Свинова километра четыре. Никаких признаков жизни, все совершенно спокойно.

Вскоре он вернулся к своей группе. Люди стаскивали рюкзаки, комбинезоны.

– Всем переодеться. Выступаем через пять минут. – Федоренко вскинул руку с командирскими часами, убедился в том, что было начало второго. – Перейдем южный лес, дальше разделимся. В город входим четверьмя группами, с разных направлений. О месте и обстоятельствах встречи, надеюсь, помните. Не забыли адреса?

Вопрос был риторический. Явки, пароли, ориентиры с адресами им были вбиты в головы накрепко, каленым железом не выжечь.

Переодевались они быстро. Федоренко, Островой, Гусинский облачились в форму капитанов Красной армии. Обмундирование было сложено так, что практически не помялось. Люди натянули сапоги, прицепили портупей.

Абвер учился на своих ошибках. Новое, с иголки обмундирование агенты теперь уже не получали. Это был явный повод для патруля заподозрить неладное. Офицерская форма была в меру состарена, ботинки и ремни потертые, по-

гоны выщвели, пуговицы не сияли в лунном свете.

– Красавцы, нечего сказать, – заявил Гладыш, облачаясь в форму младшего сержанта подразделения связи.

Он с подозрением обнюхал засаленные рукава и спросил:
– Что, товарищи капитаны, пешком пойдём? По статусу вам вроде не положено. Мотоцикл в кустах господ из абвера не припрятали? Жалко-то как!

– Ага, «Мерседес» тебя поджидает с хромированным радиатором, – проворчал Бурлак, натягивая разношенные сапоги. – Ничего, не баре, пешком дойдём.

Федоренко в полумраке разглядывал свое войско. Тревога в душе улеглась, дышалось легче. Люди избавлялись от десантных шмоток, от всего, что могло их выдать. Трое – офицеры, двое – сержанты, остальные были в штатском. Лапченко, имевший сравнительно интеллигентскую внешность, нацепил на нос очки, предварительно протерев их полый пиджака.

– Все готовы, господа антикоммунисты? – Федоренко всматривался в лица своих подчиненных.

На краткий миг разошлись облака. Луна озарила опушку желтым светом и снова спряталась.

– Всегда готовы, командир, – с усмешкой ответил Островой. – Как юные пионеры.

– Пионеры юные, головы чугунные, – пропел Гладыш. – Через поле пойдём, Василий Витальевич? А мин там, случайно, нет? – осведомился диверсант и оскалился.

– Вот ты и проверишь, пустобрех, – огрызнулся Федоренко. – На открытую местность не выходим, будем двигаться вдоль опушки на восток, потом сменим курс. Пилоты не ошиблись. Мы находимся именно там, где и должны. Слева над лесом видна Куриная сопка. Это северо-восточные предместья Свилова, улица Кабельная. Пошли, болезные! – Федоренко махнул рукой. – Не курить, не разговаривать. Да по сторонам почаще смотрите, не с барышнями гуляем.

– Это СМЕРШ, вы окружены, не двигаться! – прогремел вдруг грозный голос.

Диверсанты впали в ступор, мороз пошел по их коже. Что за шуточки?

Но они вышли из оцепенения, когда командир группы взревел:

– Мочи коммунистов, мужики!

Все смешалось, началась неразбериха. Немецкие агенты разлетелись в стороны, выхватили пистолеты, начали наугад стрелять в темноту. Приказ не двигаться стал для них сигналом действовать ровно наоборот.

Темнота разразилась ответным автоматным огнем. Во мраке полыхнули вспышки, раздался оглушительный грохот. Кто-то покатился по склону ложбины, вскочил на четвереньки, дернулся к опушке.

Надрывал глотку Федоренко:

– Их мало, прорвемся!

Но диверсанты были заперты с трех сторон. Люди мета-

лись, заполошно кричали, не смолкали выстрелы. Приказ брать живыми уже не срабатывал. Как это сделать, когда по тебе бьют в упор?!

Лапченко взвизгнул, схватился за простреленный живот. Вторая пуля разбила вдребезги очки, раскроила череп. Он отлетел назад, сбил с ног Попелюка, пытавшегося выбраться из ложбины. Пули кромсали обоих, брызгала кровь.

Бурлак и Коровин бросились в темноту, ведя непрерывный огонь. Бежать на опушку – стать живыми мишенями. Они были набиты свинцом до отвала. Их трупы покатались обратно.

Василий Федоренко выл волком. Какая падла сдала?! Отправляться в плен к большевикам было выше его моральных принципов. Федоренко считал себя идейным, готов был пойти в услужение даже к черту рогатому, лишь бы он с таким же упоением ненавидел Советы.

Труп Коровина оказался у него под ногами весьма кстати. Федоренко рухнул, нашел неожиданную защиту за распростертым телом, загнал в рукоятку пистолета свежую обойму, передернул затвор. Какая-то нечеловеческая сила подбросила на ноги, он понесся в темноту. Похабная матерщина рвалась из глотки, палец давил на спусковой крючок.

Форма капитана Красной армии контрразведчиков не смутила. Они прекрасно знали, с кем имеют дело.

Свинец срезал кожу с макушки беглеца, но он даже не почувствовал этого. Потом тупая боль в плече повела его на

сторону, закружилась земля под ногами. Но Федоренко продолжал стрелять, давился кровавой пеной. Пуля, угодившая в сердце, расставила все точки. Финальный матерок застрял в глотке командира группы.

Трое уцелевших агентов выбежали из леса, кинулись в поле. Неважно, что местность открытая, лишь бы подальше от этого ада! Патроны кончились, отстреливаться нечем.

Гладыш тоскливо заскулил, помчался заячьими прыжками. За ним семенил Гусинский. Он зачем-то придерживал офицерскую фуражку и постоянно оглядывался, наверное, старался не проглядеть пулю, подлетающую к нему. Алексей Островой, заместитель командира группы, со злостью отбросил пустой пистолет, обогнал отстающего Гусинского.

На опушку, ломая кустарник, выбежали несколько человек, открыли огонь. Одни пули прошли над головами беглецов, другие выдрали дерн у них под ногами.

Гладыш покатился в борозду, стал выбираться из нее, елозя всеми конечностями. Когда в затылок ему загремели выстрелы, он окончательно потерял самообладание. Подкосилась нога, агент снова повалился.

– На месте! – прокричал звонкий голос. – А то стреляем на поражение!

Островой закончил пробежку, стиснул зубы. Он не окончательно утратил желание жить. В спину ему уткнулся Гусинский, тоже встал.

К ним подбежали люди в форме офицеров Красной армии

и солдаты-автоматчики.

– Лукин, у вас все целы?

– Так точно, товарищ капитан! – Голос сержанта подрагивал от волнения. – Хорошо, что мы за деревьями держались, а то не приведи бог...

– Попались, голубчики! Что, рановато еще умирать? – Рослый старший лейтенант схватил за шиворот Острового, ударил ногой по сгибу колена. – На колени, сука, руки за голову и застыл! Эй, рядовой, следи за ним!

Гусинский дернулся, прерывисто задышал. Он был единственным, кто решился выполнить инструкции, что-то оторвал от накладки нагрудного кармашка, сделал попытку сунуть в рот.

К нему с негодующим воплем подскочил молодой светло-волосый лейтенант, ударил по руке прикладом. Боль ошеломила Гусинского. Он выронил ампулу с ядом, упал на колени, стал судорожно искать ее. Это выглядело смешно и нелепо. Лейтенант опять ударил его по руке, схватил за шиворот, оттащил подальше.

– Яд хотел проглотить? – осведомился осанистый скуластый капитан.

– Ага, – подтвердил молодой лейтенант. – Имеется у них такая пагубная привычка. Чуть что, сразу тянут в рот всякую гадость.

Невысокий крепыш, тоже лейтенант, метнулся к Гладышу. Тот сначала лежал тихо, а потом оживился. Он с че-

го-то взял, что сможет убежать в чистое поле, сжался как пружина, прыгнул!

– Еременко, работай! – выкрикнул капитан.

Но крепыш уже и сам летел наперерез противнику, повалился на бок, выбросил ногу. Гладыш запнулся, разбил нос. Лейтенант оседлал диверсанта, врезал костяшками пальцев по загривку. Но, видимо, недостаточно. Противник изогнулся коромыслом, стряхнул с себя наездника. Еременко покатился по полю, собирая сгнившую ботву.

К ним подбежал капитан Осокин и точным ударом в скулу отправил диверсанта в нокаут. Тот завозился в траве, жалобно заскулил. Осокин отстегнул от ремня фонарь. Брызги рассеянного света озарили скрюченное тело. Гладыш давился слюной, кровь стекала с губ. Капитан поморщился, отошел от него.

– Уже с душком, товарищ капитан? – спросил Еременко и поднялся, разминая кулак.

– Уже пованивает, – согласился командир опергруппы. – Но запашок не трупный, совсем наоборот.

Операция в целом прошла успешно, без потерь. Главный диверсант, похоже, погиб. Взяли троих, и то ладно.

Островой был неподвижен, сжимал руки на загривке. Бледность растекалась по его физиономии. Гусинский охал и стонал, упирался в землю здоровой рукой. Лейтенант Еременко задумчиво поглядывал на Гладыша, проверял ногой, не сдох ли. Диверсант затих, но умирать не собирался, то и

дело вздрагивал.

Старший лейтенант Моргунов, вытер пот со лба.

– Мишаня, закурить дай.

– А твои где? – недовольно бросил лейтенант Луговой, доставая пачку.

– Так твои вкуснее, – заявил Моргунов, чиркая спичкой. – Свои я искурил уже, пока мы ждали этих голубей. Не жадничай, завтра мои курить будешь.

На опушке суетились люди, разносился гомон. В засаде, растянувшейся на полторы версты, участвовали два взвода войск НКВД и третий оперативный отдел контрразведки в полном, весьма немногочисленном составе.

Агентурные данные подтвердились. Не подкачал агент Лазарь, обосновавшийся в школе абвера. Контрразведчики засекли парашютистов еще в небе, заблокировали на опушке, ждали, пока подтянутся автоматчики, обученные действовать в подобных ситуациях.

Со стороны дальнего леса подошли два грузовика. Они плыли по бороздам, поднимая пыль.

– Пакуйте задержанных, – устало бросил Осокин и побрел к лесу.

Формальные процедуры никто не отменял. Значит, бессонная ночь продолжалась.

Глава 2

Подполковник Редников, начальник дивизионного отдела контрразведки, прихлебывал из блюдца запашистый чай, слушал доклад, временами тер глаза, энергично моргал. Прошлая ночь выдалась бессонной, теперь и текущая пошла туда же. Сон обволакивал голову, глаза закрывались помимо воли. Сопротивляться становилось все труднее.

– Пей, капитан, – сказал он и подтолкнул кружку к собеседнику. – Ты ведь тоже с ног валишься. Зачем мне такие работники?

– Спасибо, Виктор Афанасьевич.

Кружка была горячей, но подобные мелочи офицера не беспокоили. Горькая жидкость, настоянная на какой-то траве, обжигала горло и вроде бы возвращала бодрость.

Иван Осокин откашлялся и проговорил:

– Лазарь не ошибся, товарищ подполковник. Это выпускники Быстровской школы, самые подготовленные. В группе было восемь человек. Все они – бывшие граждане СССР. Ни одного немца! Значит, абвер им доверяет. Командовал диверсантами некто Федоренко. Он погиб при задержании. Выжили трое – заместитель Федоренко Островой Алексей Егорович, Гусинский Владимир Петрович и Гладыш Тимофей Леонидович.

– Радист среди них есть?

– К сожалению, с этим не ясно. Радиостанции при них не было. Шли налегке, имея при себе лишь стрелковое оружие. Пятеро в форме военнослужащих Красной армии, остальные в штатском. Документы им сделали отменные. Скрепки из нержавеющей стали немцы уже не используют. Федоренко, Островой и Гусинский представлялись офицерами. У всех при себе командировочные предписания, вещевые и продуктовые книжки и даже корешки железнодорожных билетов, по которым они якобы прибыли в Свинов с востока...

– Я должен вот что напомнить тебе, капитан, – перебил его Редников. – Лица, засылаемые в наш тыл, добираясь до места, практически всегда отправляют радиограмму. Мол, мы прибыли, все чисто, приступаем к работе. В противном случае их хозяева делают резонный вывод, понимают, что группа провалилась.

– Рации при них не было, – повторил Осокин. – Версия у меня такая. Благополучно добравшись до города, закрепившись в безопасных местах, они выходят на связь с местными агентами. Это вполне может быть и тот самый Циклоп, которого мы никак не выявим. Помянутые местные радируют в абвер, что гости прописались. Таким вот образом налаживается канал связи.

– Версия, говоришь? – Редников прищурился. – Чем вы там занимаетесь, капитан? У вас в клетке три диверсанта. Вы не знаете, что с ними делать?

– Знаем, товарищ подполковник. Прошу прощения, но

все идет своим чередом. Это тертые калачи, к ним следует присмотреться. Знаю, вы со скепсисом относитесь к психологическим играм, но в данном случае это необходимо. Физическое давление озлобит их, вызовет противодействие. Или же они станут врать, а проверить их слова мы не можем. Допускаю, что эти люди не в курсе предстоящей работы, хотя заместитель Федоренко Островой должен что-то знать. Лазарь прислал дополнительную информацию по отдельным фигурантам. К сожалению, она скудная, но кое-что мы можем использовать. Козыри пока не выкладываем. Мои люди проводят допросы, с каждым диверсантом работают отдельно. Содержатся они обособленно.

– Хочешь подружиться с ребятами? – Подполковник криво усмехнулся, посмотрел на часы. – Ну что ж, Иван Сергеевич, дружи, окружи их заботой и вниманием. В общем, делай что хочешь, хоть в ресторан своди, но чтобы к утру они запели. Тогда, возможно, мы обретем пару часов для сна. Помни, что промедление – это провал. Этих агентов надо использовать, пока у нас есть время. А если у них запланирован контакт с самим Циклопом, то сам понимаешь!.. Они говорят, с какой целью прибыли?

– Твердят как попки, что ни сном ни духом. В курсе только Федоренко, а он уже на том свете. Не знают ни имен, ни лиц, ни явок. При входе в город они должны были получить от Федоренко адреса конспиративных квартир и рассосаться. Мы пока не возражаем, присматриваемся. Это, понятно,

увертка. В абвере не дураки сидят, понимают, что случиться может всякое, особенно с командиром. Диверсанты должны что-то знать. Выясним, товарищ подполковник.

– Вы уже имеете представление об их личностях?

– Они не утаивают свои биографии, предоставляют сведения о школе, где проходили обучение, о начальстве, преподавателях. Сравнивая их с данными, поступающими от Лазаря, делаем вывод: почти не врут. Гусинский из Ярославля, отслужил срочную в начале тридцатых, до войны работал технологом на металлообрабатывающем предприятии. В августе сорок первого был командирован в Харьков для участия в подготовке к эвакуации местного завода. До последнего момента находился в городе, после чего пришел к немцам. Уверяет, что не хотел, проявил минутную слабость, боялся за свою жизнь. В общем, минутная слабость растянулась на два года. Все они так говорят. Служил в полиции на Западной Украине, в Польше, имеет богатый послужной список. Четыре месяца назад рекомендован прежним командиром к обучению в школе абвера. Тип немногословный, скользкий, притворяется больным. Гладыш – совсем иной фрукт. Канает под блатного, но все сложнее. Отсидел по хулиганке, но перед этим отслужил в армии, где имел специальность сапера. Срок получил небольшой, вышел в апреле сорок первого, записался в ополчение, когда началась война, и в первом же бою под белорусскими Ровниками перебежал к фашистам. По его словам, работал водителем в армейской автоколон-

не, нес службу в частях вспомогательной полиции, охранял концлагерь под Белостоком, где содержались советские военнопленные. Божится, что пальцем никого не тронул.

– С каким же дерьмом мы работаем! – заявил Редников, поморщился и спросил: – Что по Островому? Полагаю, он самый перспективный в вашей разработке, да?

– Он самый замкнутый. Производит впечатление нормального человека, но боюсь, оно обманчиво. Об учебе в абверштелле сообщает отказывается, о себе говорит скупо. Настаивает, что не посвящен в цели и задачи группы. Все инструкции были у Федоренко. Немцы развели секретность. Он не сможет нам помочь, даже если бы и хотел.

– Врет?

– А то. Будем разрабатывать. Мы запросили у Лазаря дополнительные сведения по Островому. Агент не всеислен, его доступ к рации ограничен, и все же будем надеяться, что поможет. Он сам обучал курсантов, в том числе и Острового, может знать о них то, что не ведают другие. Но на это требуется время, которого у нас нет.

– Вот именно, – заявил начальник отдела. – Так что не надейтесь на чудо, работайте с тем, что у вас есть. Известна причина предательства Острового?

– Причина у них одна. Страх за свою единственную и неповторимую шкуру. К нему может примешиваться ненависть к Советской власти. Этим грешат, как правило, раскулаченные, всякие бывшие и их потомки, тоскующие по цар-

ским временам, лица, подвергшиеся необоснованным, по их мнению, репрессиям. Островой в тридцать шестом году окончил училище комсостава в Подольске, нес службу в Киевском военном округе. В тридцать девятом его родственники по линии жены были репрессированы по делу троцкистского заговора. Они преподавали в университете. Тестя расстреляли, тещу отправили в Восточную Сибирь, где она и скончалась в том же году. Жена покончила жизнь самоубийством, выбросилась из окна вместе с их двухлетним ребенком. Островой избежал ареста, но какое-то время находился под следствием. Ему инкриминировали причастность к антипартийному заговору в вооруженных силах. В итоге он остался на службе, но был переведен в Западный округ, где и встретил войну в должности командира роты. Отступал, был в окружении, прорвался с остатками своего подразделения. Участвовал в зимних боях под Москвой, воевал под Сталинградом, где при невыясненных обстоятельствах угодили в плен. Уверяет, что полгода находился в лагере для советских военнопленных, где много думал о стране, о себе и своей жизни.

– А дальше сказка про белого бычка, – сказал Редников. – Хорошо, капитан, не будем терять время. Иди, работай.

В Свиروه действовал комендантский час. Сказывалась близость фронта, где к лету сорок третьего воцарилось затишье. Город наводнили патрули – армейские, милиция. Он жил мирной жизнью, работали предприятия, магазины, от-

дельные культурные объекты и увеселительные заведения. Но дыхание войны ощущалось во всем.

Под оккупацией город не находился, в сорок первом немцы выдохлись на подступах к нему. Железнодорожная станция и завод по выпуску артиллерийских боеприпасов подверглись авианалету, но система ПВО дала отпор, нанеся противнику крупный урон. С тех пор попыток ее преодолеть немцы не предпринимали.

В городе проживало двадцать тысяч населения, он был значимым автомобильным и железнодорожным узлом. Эшелоны здесь разгружались почти ежедневно. Станцию, оба моста через реку Перстянку и прочие военные объекты охраняли усиленные подразделения войск НКВД. Тут находились склады и арсеналы, штаб стрелковой дивизии, несколько военных баз. Севернее Свилова действовал аэродром, на котором базировалась истребительная и бомбардировочная авиация.

В городе работали райком ВКП(б) и исполком Совета народных депутатов. Но реальная власть здесь принадлежала военным – коменданту полковнику Вишневному и его окружению.

Центральная часть Свилова, где находились объекты военного и гражданского управления, также находилась под неусыпной охраной.

Отдел контрразведки прописался на улице Центральной, напротив комендатуры. Здание милиции, часть которого бы-

ла отдана военным, выходило на оживленную дорогу. А окна пристройки, где сидели сотрудники СМЕРШ, смотрели в тихий необитаемый сквер, окруженный забором и постами.

Под этим зданием имелись уютные подвалы с зарешеченными секциями. До войны в них содержались уголовники, находившиеся под следствием. Теперь эти подвалы тоже не пустовали.

– Кто такой Циклоп, гражданин Гладыш? – въедливо выпрашивал у задержанного лейтенант Михаил Луговой, оперуполномоченный третьего отдела. – Мы имеем сведения, что ваша группа направлялась именно к нему. Отпираться бессмысленно. Этим вы только усугубите свою вину. Кто он, где находится, как с ним связаться?

– Начальник, ты чего пристал ко мне как банный лист? Я же все сказал, – вяло отбивался Гладыш.

Глаза его при этом усиленно моргали, он чесал руки.

– И про себя не смолчал, и про то, как оказался в бедственном положении. Гадом буду, начальник, не знаю ничего. Нам, простым смертным, такие секреты не доверяют. Майор Фосс приказал во всем слушаться Федоренко. Дескать, он ваш мозг. Попасть в Свинов, осесть. Кто такой Циклоп? Не знаю никакого Циклопа. Зуб даю, начальник.

– Адрес явочной квартиры?

– Богом клянусь, не знаю. – Несостоявшийся диверсант делал умоляющие глаза, постреливал ими то в Лугового, то в Осокина, зевающего в углу. – Федоренко собирался сооб-

щить, когда к городу подойдем, но вы же нас в лесу уделали.

Молодой лейтенант усердно хмурился, притворялся бы-валым асом, искоса поглядывал на командира. Опыта и знаний этому парню катастрофически не хватало. Всего месяц назад он был переведен в штат военной контрразведки из особого отдела при НКВД. Мальчонка смысленый, бойкий, имеющий чутье и воображение. Осокин чувствовал, что из него когда-нибудь выйдет толк, если, конечно, он доживет до этих светлых времен. Век оперативника недолог.

Военная контрразведка была сформирована всего три месяца назад, а один только третий отдел уже потерял четверых сотрудников. Трое погибли в стычке с диверсантами. Еще один, старший лейтенант Козлов, зацепил растяжку, когда осматривал заброшенное здание, расположенное на окраине города. Ногу ему оторвало по самое туловище, крови он потерял немерено, но в госпиталь попал быстро, оттого и выжил. Врачи быстро провели операцию и отправили беднягу в тыл. Теперь это не человек, а обрубок, обуза для государства.

Гладыш продолжал бубнить, уклонялся от ответов. У Лугового кончалось терпение. Он уловил многозначительный взгляд Осокина – мол, рановато выходить из себя, проявляй терпение, товарищ, – театрально вздохнул и пошел на новый круг.

В соседней комнате сидел Гусинский с трагической миной и тыльной стороной ладони утирал разбитую губу. У старше-

го лейтенанта Моргунова терпение уже лопнуло. Этот офицер был рослым, обладал представительной внешностью и не являлся новичком в своем деле. Характер старлея не отличался мягкостью, он был прямолинеен, как проспект. Зачастую именно это вот качество и позволяло ему добиваться успеха.

«В жизни все просто, – любил повторять Моргунов. – Если человека в чем-то подозревают, то девяносто девять процентов за то, что он виновен».

Отсутствие воображения компенсировалось у него повышенной работоспособностью.

Ударил арестанта он неудачно, теперь потирал ободранные костяшки кулака, поднял глаза и вопросительно уставился на командира. Этот парень мог браться за любую работу, но процесс ее выполнения нуждался в постоянном контроле.

– Без подвижек?

– Не особо, – ответил Моргунов. – Владимир Петрович изволят увиливать и перекладывать вину на своих сообщников. А сам он белый и пушистый, не ведал, что творил. Этот большой любитель Советского Союза просто оступился, зато в школе абвера только тем и занимался, что собирал для нас ценные сведения. Делать нечего, товарищ капитан, надо выпускать его и выписывать орден.

– Ты вроде выписал уже.

– Это не орден. – Моргунов оскалился. – Так, медалька.

– Послушайте, граждане офицеры, я рассказал все, что знаю, без утайки, чистосердечно, – заявил Гусинский. – Можете расстрелять, плакать не буду. Я давно конченный человек. Слово «Циклоп» я уже слышал. Это агент глубокого заlegания, внедрен абвером давно, имеет доступ к секретным сведениям военного характера. Имя Циклопа известно только высшим офицерам разведки, да и то не всем. Неужели вы думаете, что людям моего уровня кто-то доверяет такие тайны? Это глупо. К кому мы шли – к людям Циклопа или к другим, – не представляю. Федоренко проговорился. Дескать, свяжемся с людьми, они сообщат, как и на каких объектах провести диверсии. У этих людей есть план, но нет ресурсов. Могу лишь догадываться, что это арсеналы, железнодорожный мост, склады ГСМ, важные персоны из штаба корпуса.

Офицеры переглянулись. Гусинский опустил голову. Предатель заслужил пулю. Кого сейчас волнует, по каким причинам он изменил Родине? В СССР были расстреляны и не такие персоны.

Осокину не давал покоя вопрос с Циклопом. Вражеский «крот» был неуловим. Он находился в Свиروه и регулярно слал донесения своим хозяевам. Об этой фигуре своим сообщил Лазарь, сотрудник четвертого отдела контрразведки, преподаватель физической подготовки в школе абвера по фамилии Парамонов. Именно он сдал группу Федоренко, указал ее состав, время и точные координаты выброски.

О том, кто скрывается под этим псевдонимом, знали немногие – руководство и начальники отделов. То же и с Циклопом, только наоборот. Эта фигура представляла изрядную ценность для немецких штабов. Выявить «крота» советские контрразведчики пока не могли. Они тратили колоссальные усилия, теряли людей, но воз оставался на месте, а ценные сведения, способные повлиять на ход сражений в полосе Воронежского фронта, утекали за кордон.

Лазарь в разоблачении «крота» был бессилён. Любые попытки проявить любопытство по этому поводу сдавали его с потрохами.

– Товарищ капитан! – Осокина перехватил в коридоре посыльный из дешифровального отдела. – Пришло ещё одно сообщение из Быстровки. Старший лейтенант Стариков приказал передать вам. – Посыльный протянул офицеру пакет с сургучными печатями.

Ох уж эта чрезмерная секретность. Спуститься на этаж – и такие меры!..

Он встал под лампочку, вскрыл пакет, пробежал глазами рукописный текст. Лазарь слал вдогонку сведения, способные принести пользу. На этот раз они касались господина Острового. Настроение Осокина поднялось. Это уже что-то!

Капитан свернул донесение, сунул в карман и зашагал в дальний конец подземного коридора.

Алексей Островой держался достойно. Собственная жизнь его уже не беспокоила. Он сидел на табурете посреди

комнаты для допросов, был бледен, но спокоен. Глаза арестанта смотрели куда-то за спину лейтенанту Еременко.

Константин размашисто заполнял протокол. Судя по постной мине, ошеломляющих открытий у него не было.

– Есть новости? – на всякий случай спросил Осокин. – Не проснулась совесть у нашего героя?

– Совесть просыпается там, где она есть, – мудро изрек Константин, отрываясь от писанины. – А если ее нет, то она не проснется.

От внимания Осокина не укрылась бледная усмешка на губах задержанного. Возможно, его безразличие было только маской.

– Господин Островой не может сообщить нам то, чего он не знает, – ерничал Еременко. – Группе, в которой он являлся заместителем командира, предстояло провести ряд диверсий по наводке местной агентуры, о которой наш гость не имеет представления. Как и о самих террористических актах.

– Мне самому это не нравилось, – с усилием выговорил Островой. – Идти вслепую, неизвестно куда и зачем. Но был приказ проникнуть в город, рассредоточиться по квартирам...

– Съемным или явочным? – перебил его Иван.

– Я не знаю. Инструкции полагалось получить позднее.

«Не рановато ли мы их взяли?» – подумал Осокин.

– Товарищ лейтенант, оставьте нас, пожалуйста, – сказал

он.

Еременко пожал плечами и вышел из комнаты.

Капитан устроился на его место и оценивающе воззрился на арестанта. Тот выдержал взгляд, но не видел смысла в игре в переглядки, опустил голову.

Бывшему капитану Красной армии было под сорок. Лицо неподвижное, серая кожа одрябла в районе шеи и рта. Под глазами залегли выпуклые мешки. У него было правильное лицо, и сам Островой, как ни странно, не вызывал острой неприязни. Короткие волосы наполовину поседели, пальцы рук подрагивали.

– Будете бить? – спросил он, подняв голову.

– А это поможет?

– Нет. Но если вам нужно, чтобы я срочно что-нибудь выдумал... – Арестант не стал продолжать.

– Избавьте меня от ваших фантазий, Алексей Егорович. Глядя на вас, избитого, я вряд ли получу эстетическое удовольствие. По вашим же словам, вы окончили Подольское училище, начали воинскую карьеру в Киевском военном округе. Потом была неприятность с вашими родственниками по линии жены.

На слове «неприятность» Островой как-то вздрогнул, поднял глаза. В них что-то заблестело.

– Был донос, – проскрипел он. – От сослуживца моего тестя по кафедре. Он хотел занять теплое местечко декана. Доблестные органы даже разбираться не стали, схватили всю

семью.

– Не буду с вами спорить, – вежливо сказал Иван. – С материалами дела не знаком, и судить о нем мне трудно. Значит, данная история и послужила мотивом вашего дальнейшего падения?

– Я куда-то упал? – Островой криво усмехнулся.

– Вы изменили своей стране, воинской присяге и перешли на сторону врага, которого клялись бить. Во все времена и при любых правителях подобные действия назывались предательством, нравится вам это или нет. Не надо выдумывать причины, якобы оправдывающие ваш поступок. Это выглядит убого. У товарища Калинина арестована жена. Об этом вам в школе абвера должны были говорить, описывая зверства, происходящие в советских верхах. Это не мешает товарищу Калинин у выполнять свои обязанности в советском правительстве. Генерал армии Рокоссовский до войны подвергся репрессиям, был посажен и больше года провел за решеткой, где с ним происходило всякое. Следствие ошиблось, товарищ Рокоссовский вышел на свободу. Вместо того чтобы переметнуться к вашим хозяевам – его ведь тоже обидела Советская власть, верно? – он успешно громит немецкие войска и дойдет с победой до Берлина. Я в этом уверен. Так происходит, когда люди ставят общественное выше личного. А вы ненавидите не только наше государство, но и страну.

– Вы ошибаетесь, гражданин капитан. Я люблю свою страну и хочу ей лучшей участи, чем при вашем кровавом режи-

ме.

– Лучшей участи? – удивился Иван. – Вы же не всерьез, Алексей Егорович? Немцы огнем и мечом прошли по нашей стране, уничтожили миллионы пленных, сжигали деревни вместе с жителями. Этих фактов тысячи, им трудно найти оправдание. Оккупанты разрушили наши города, уничтожили всех евреев. Украина, Белоруссия, западная часть РСФСР – все лежит в руинах. Население согнано в гетто, в концлагеря, отправлено в Германию на принудительные работы. Те, кто остался, боятся пикнуть. Это вы называете лучшей участью? Посмеете заикнуться, что я преувеличиваю?

– Послушайте, что вы от меня хотите? Давите на совесть? Забудьте. Это было давно. Я рассказал все, что знаю. Против Советской власти я действовал осознанно. Прикажите отвести меня в камеру, если не хотите бить. Дайте поспать... или сразу расстреляйте, мне безразлично.

– Все же я продолжу. Да, вы не трус. С некоторой натяжкой ваши побуждения можно назвать идейными, если уместно так говорить о сотрудничестве с фашистским режимом. Вы командовали ротой под Москвой, воевали на Дону, в Сталинграде. Как случилось, что вы оказались в немецкой форме? В ней вы стали элегантнее? Нравитесь женщинам?

– Попрошу не издеваться, – заявил Островой. – Под Сталинградом шли тяжелые бои, мою роту командование полка отправило на смерть, обещало подкрепление, которое не пришло. Полк про нас забыл, отступил на заранее подготов-

ленные позиции. Мы вели бой в районе улицы Прудной, подбили восемь танков, две самоходки. У нас кончились гранаты, патроны, но приказа отступить никто не давал. Да мы и не смогли бы это сделать. Немцы замкнули кольцо. Погибли политрук, все командиры взводов. Нас осталось несколько человек. Был взрыв, контузия. Я очнулся в плену. Так что не было никакой сдачи, можете успокоиться. Рота выполнила приказ. Смутно помню, как со мной беседовали люди в черных мундирах, предлагали перейти на сторону Германии. Я, видимо, отказался, – съязвил Островой. – Поскольку очутился в концентрационном лагере, где немцы держали советских военнопленных. Вы будете удивляться, но отношение к узникам было нормальным. Нас кормили почти съедобной пищей, били редко, расстреливали только за неповиновение. Там я и узнал, что теперь в Советском Союзе все люди, попавшие в плен, приравниваются к изменникам Родины.

– Неправда, – возразил Иван. – Каждый случай рассматривается в отдельности. Человек может попасть в плен по не зависящим от него причинам.

– Да перестаньте вы. Сами-то верите? Был в плену, значит, предатель. Пусть даже не привлекут, все равно пятно на всю оставшуюся жизнь. Никто не вспомнит, что до плена ты был почти герой. Подобные законы – это не зверство?

– Это вынужденная мера, – отрезал Осокин. – В чем дело, Алексей Егорович? Вы в детстве мечтали стать государственным обвинителем? Это не ваше, поверьте. Итак, в вас

что-то сломалось, и вы перешли на сторону Третьего рейха. Фашисты, конечно, настоящие гуманисты. Они почти не убивали вас, кормили почти съедобной пищей.

– Вы передергиваете, гражданин капитан.

– Мне безразлично, Алексей Егорович. В тридцать девятом вы потеряли жену и ребенка, это прискорбно, искренне сочувствую. Но пережили, выпутались из истории с попыткой обвинить вас в антисоветском заговоре, перевелись в Западный округ. История умалчивает, чем вы занимались полтора года до начала войны.

– Я служил в Гомеле. – В глазах предателя мелькнуло беспокойство.

– Охотно верю. Ваше горе притупилось, возможно, не было столь объемно. В Гомеле вы познакомились с Серафимой Ульяновной Полищук. Она работала в городской библиотеке, кажется, так, да? У вас завязались романтические отношения. Жениться вы не стали, но через год родилась девочка. Вы продолжали жить без регистрации отношений. Ничего страшного, подобные вольности наши законы позволяют. Потом началась война. Дочке было месяцев семь-восемь, верно? Вы воспользовались служебным положением и пристроили своих женщин в состав, увозивший в эвакуацию местных парработников и членов их семей. После этого вздохнули свободно. До осени сорок второго ваша семья проживала в Костроме. Все у них было в норме. Серафима Ульяновна устроилась на работу. Возможно, они и сейчас не

бедствуют, только писать вы им по естественным причинам не можете. Вы же понимаете, что я хочу сказать?

Арестант все это прекрасно понимал. По мере изложения новых фактов Островой превращался в неподвижную мумию зеленого цвета. В какой-то момент контрразведчику даже стало жалко его. Членам семей предателя Родины, безусловно, светила Колыма. Дети за отцов лишь формально не отвечали.

Иван не собирался никого искать. Подвергать репрессиям ни в чем не повинных мать и дитя – не его принцип. Но припугнуть предателя, сделать так, чтобы у него глаза от страха и отчаяния наружу вылезли, – это святое!

Островой вышел из оцепенения, задрожал.

– Вы не можете этого знать, – выдавил он из себя. – Это неправда.

Осокину было крайне любопытно наблюдать за метаморфозами, происходящими с предателем. Адреса и подробности, разумеется, неизвестны. Трудно вместить эти сведения в единственную шифровку, отправленную из вражеского логова. Только лаконичные факты, ничего другого. Для органов не проблема найти человека, который и не думает прятаться.

«Бедная женщина, – подумал Иван. – Письма с фронта перестали приходить. Это дурной знак. Похоронку не прислали. Значит, пропал без вести, лежит в каком-нибудь болоте. Она узнает, что произошло на самом деле, будет воло-

сы рвать, что не погиб».

– Вы не имеете права так поступать, – обреченно прошептал Островой. – Эти люди ни в чем не виноваты, Серафима ничего не знает.

– А вот это вы будете объяснять советскому суду, – безжалостно отрезал Осокин.

– Но подождите. – У предателя отчасти заработала голова. – Я об этом никому не говорил. Хотя постойте. – Он усердно морщил лоб, облизывал губы. – Об этом мог знать только один человек. Мы выпили во внеслужебное время. Он начал откровенничать о своих близких, я тоже рассказал про Серафиму. Нет, невозможно. Это же полная чушь. – Островой потрясенно смотрел на капитана контрразведки.

Да, Лазарь молодец. Он умеет втираться в доверие.

– Вот черт! – Предатель дозрел. – Неужели это правда?

– Это правда, – подтвердил Осокин. – Хотя и искаженная до неузнаваемости. А теперь внимательно послушайте меня, Алексей Егорович. Слухи о зверствах, чинимых контрразведкой СМЕРШ, сильно преувеличены. Лично я не настолько плотояден, чтобы отправить в топку невиновных женщин, одна из которых – беспомощная крошка. Но, клянусь, я это сделаю, если мы с вами не договоримся.

– Боже мой!.. – Островой подался вперед, сжал виски ладонями.

Его голова распухла от пронзительной боли.

– Вы набожный человек?

– Не знаю. Наверное. Скорее да, чем нет.

– Не бойтесь попасть в ад после того, что натворили?

– Шутите? После такой жизни ад – это рай. – Островой вымучил трагическую усмешку. – О чем мы будем с вами договариваться, гражданин капитан?

– Вы знаете. Полная искренность. Даю слово офицера, что с вашими близкими ничего не произойдет. Более того, об этом факте я не стану сообщать коллегам и начальству. Но вы должны чистосердечно раскаяться и согласиться на сотрудничество.

– А потом? – Островой криво усмехнулся. – Поставите к стенке?

– Посмотрим на ваше поведение. Если оно будет примерным, то стенка подождет. Сами подумайте, зачем нам избавляться от такого ценного человека? Принесете пользу, и это вам зачтется. Отсидите приемлемый срок и воссоединитесь со своими близкими.

– Андерсен вы, гражданин капитан. Наслушался я уже сказок и от ваших, и от тех. Ладно, что вы хотите знать?

– Что вам известно о Циклопе?

– Не больше вашего. Вы же не настолько наивны, чтобы верить в мою полную осведомленность. Агент глубоко законспирирован. Мне известна только его кличка. Он действует в Свиروه, имеет доступ к военным и государственным секретам. Этого человека ценит руководство абвера. Если каждый выпускник разведшколы будет знать, кто скры-

вается под этим псевдонимом, то долго он не проработает. Допускаю, что мы должны были вступить в контакт с Циклопом или его людьми, но точно не знаю.

– Ваши предположения? Он военный?

– Нет, не думаю, хотя не поручусь. Военная служба, какая бы она ни была, предполагает переезды, смену дислокаций. Такой риск, во всяком случае, присутствует. Циклоп же всегда находится в Свиروه, собирает разведданные, координирует работу своих агентов и лиц, приходящих со стороны.

– Вы заместитель командира диверсионной группы. То есть априори должны быть осведомлены о ее задачах лучше рядовых членов. Не надо спорить, Алексей Егорович. Это бессмысленно. Если из строя выбывает командир, то вся группа становится беспомощной? Да неужели?

– Федоренко тоже не знал, кто такой Циклоп и его приближенные.

– Знаете, Алексей Егорович, так мы с вами никогда не договоримся. В чем же заключается наше сотрудничество? Выкладываете все, что знаете, либо мы с вами распрощаемся.

Предатель все еще колебался. Но это продолжалось недолго.

– Хорошо, – сказал он. – Мне известен только один адрес. Улица Баумана, дом семь.

– Что там?

– Не знаю, надежные люди. На входе в город нам предстояло разделиться. Я и Коровин должны были направиться по

этому адресу. По легенде, офицер по снабжению и его помощник прибыли в командировку и сняли жилье на несколько дней. Улица Баумана – это к северу от центра, недалеко от Персянки. Нам следовало пройти по оврагу, чтобы не встретить патруль, воспользоваться задней калиткой, которую хозяева оставят открытой. Условная фраза: «Савельевы здесь проживают? Мы договаривались о найме». Если точка не засвечена, будет отзыв: «Да, это здесь, только не Савельевы, а Силантьевы».

Иван поморщился.

«В нужный час гости не явились, хозяева забеспокоились. Они отправят весточку своим законспирированным командирам, и тем станет ясно, что группа Федоренко провалена. Или еще не поздно, есть разбег? Ведь группа не может явиться на место по сигналу точного времени, – лихорадочно размышлял он, поглядывая на арестанта. – Срочно переодеть двоих наших, например Еременко с Моргуновым, приобщить к ним Острового и их отправить на Баумана под видом прибывших гостей? Это глупо. Моргунов и Еременко никакие не диверсанты, что видно невооруженным глазом. Нужна подготовка, а времени на нее нет. Островой тоже не в том состоянии. Он загубит все дело. Но реагировать надо».

Осокин вызвал конвойного, приказал ему следить за арестантом, а сам покинул комнату и припустил по коридору. В отделе перед рассветом было тихо. Допросы закончились.

Моргунов и Еременко пили горький чай из алюминиевых

кружек, из последних сил сопротивлялись сонливости. Луговой прекратил эти попытки, уронил голову на стол и спал мертвецким сном.

– Какая прелесть! – воскликнул Осокин. – Человек живет настоящей полноценной жизнью.

– Жалко будить, – объяснил Моргунов. – Мы же не фашисты. Молодому организму требуется крепкий здоровый сон. Он отключился-то пару минут назад.

Капитану пришлось треснуть кулаком по столу. Луговой подлетел как ошпаренный, заморгал.

– Пора, красавец! Забыл, где находишься?

– Все помню, товарищ капитан, – пробормотал молодой сотрудник, зевая до хруста в челюсти. – Родина сказала, что не время расслабляться. Я же просто так, на минуточку.

Войско выглядело донельзя уставшим, но задача ему ставилась четко и лаконично.

– Ничего, пробежитесь по свежему воздуху, и весь сон с вас как рукой снимет. Взять машину, через десять минут быть на Баумана. Да не подъезжать с грохотом и лязгом, работать скрытно, выйти за несколько зданий до того места, окружить участок. Если в доме кто-то есть, не брать, только следить. Если они вас срисуют, тогда разрешаю захват, но тоже без шума, деликатно, черт возьми! Выяснить, кто проживает в доме, опросить соседей.

Подчиненные ушли выполнять задание. Остался чай в алюминиевых кружках. Иван допил остатки из обеих емко-

стей и погрузился в невеселую думу. Сон опутывал его, он стряхнул с себя наваждение, зашагал обратно.

Островой не шевелился. Караульный зевал.

Иван отпустил солдата, выбил папиросу из пачки, постучал мундштуком по столу, искоса глянул на арестанта и спросил:

– Курите?

– Пытался бросить несколько раз, – разлепил губы Островой. – Да, курю.

– Тогда двигайтесь сюда. Няnek нет, чтобы к вам с пепельницей бегать.

Островой неловко переместился к столу вместе с табуретом, который почему-то не был прикручен к полу, помял папиросу дрожащими пальцами. Курил он с наслаждением, высмолил папиросу в несколько затяжек, раздавил в пепельнице, но сделал это плохо. Окурок продолжал тлеть, распространять неприятный запах.

Иван раздраженно поморщился, отодвинул от себя пепельницу и проговорил:

– Продолжайте, Алексей Егорович. Вы сказали не все, я это прекрасно вижу. Давайте не будем юлить.

– Хорошо. – Островой сглотнул. – Вчера было двадцать четвертое число. Уже наступило двадцать пятое. В районе двух часов дня я или Федоренко должны находиться на городском рынке. Этот район называется Маковка, что-то вроде площади рядом с закрытой церковью. На нее выходят ули-

ца Кирова и несколько переулков...

– Я знаю, где находится городской рынок, – перебил арестанта Осокин. – Там произойдет встреча с Циклопом?

– Нет, не думаю. Скорее с представителем Циклопа. Мы должны держаться северной части базара, той, где находятся стационарные торговые ряды. К нам подойдут. Условная фраза: «Вы уронили спички, возьмите». Отзыв: «Я не ронял, но охотно возьму».

– Что дальше?

– Дальше скажут, что делать.

– То есть вас и Федоренко знают в лицо?

– Видимо, да.

Наступило продолжительное молчание.

«Все это шито белыми нитками, расползается при критическом рассмотрении, – размышлял Осокин. – Выдавать своих людей за вражеских лазутчиков? В этом немалый риск. Если Свилов напичкан немецкой агентурой, то лица оперативников, каковых тут совсем немного, могут быть им знакомы.

Как поведет себя Островой? Нарываться и геройствовать он, скорее всего, не будет. Страх за Серафиму Ульяновну и крошку-дочку сильнее ненависти к большевикам. Но по нему же видно, что он опустошен, выжат и, хоть тресни, не будет вести себя естественно. Дать человеку поспать, накормить, приободрить?

Ничего другого не остается. Терять нам нечего. Хоть ка-

кой-то шанс дотянуться до осинового гнезда. Немцы в любом случае узнают, что группа Федоренко потерпела фиаско».

– Почему вы так на меня смотрите? – спросил Островой и поежился.

– А вы догадайтесь, Алексей Егорович. Могу поздравить. У вас появилась возможность частично искупить свою вину. Не обещаю, что приму вас в штат, но в случае согласия гарантирую уважительное отношение, несколько часов на восстановление сил и дальнейшую жизнь, насыщенную событиями.

Поспать капитану удалось минут сорок, между докладом начальству и появлением тройцы оперативников. Солнце уже взошло, начинался новый день в жизни прифронтового города.

Сия тройца была отнюдь не божественная. Все злые, изжеванные, взъерошенные, но хотя бы живые. Докладывал Моргунов, старший по званию и по возрасту.

Незадолго до рассвета группа прибыла на улицу Баумана.

– В гараже опять забыли заправить нашу машину, – пожаловался товарищам Луговой. – Дотянули до начала улицы. Там она и стоит. Пусть приходят и толкают. А представьте, если бы это был самолет?

Остаток пути офицеры преодолели пешком, костеря механиков-вредителей.

Дом располагался в глубине частного сектора, место глухое, рядом овраг. Район еще спал, так что обошлось без

свидетелей. Через переулочек контрразведчики просочились на территорию, залегли, стали наблюдать за домом.

Свет там не горел, не было никаких признаков жизни. Казалось бы, ничего удивительного. Ночь на дворе, хозяева спят. Но ведь они должны ожидать гостей.

Лейтенант Еременко отыскал ту самую заднюю калитку. Место для проживания злоумышленники выбрали удобное. Приватность обеспечена, дом со стороны улицы и переулочка закрыт сараями и деревьями, к задворкам примыкает баня. На крыльце стояли рваные башмаки.

Два часа прошли впустую. У офицеров возникло опасение, что внутри никого нет. Баню они проверили, сараи тоже. Живность в хозяйстве отсутствовала. За исключением облезлой кошки, которая путалась под ногами и вместе с сотрудниками контрразведки проводила осмотр.

Офицеры подобрались вплотную к дому.

Уже рассвело, город просыпался, и Моргунов принял решение. Лугового он отправил в окно, расположенное на задней стороне избы. Тот бесшумно обследовал помещения.

Затем в дом проникли остальные, осмотрели подпол, чердак, однако, как и опасались, никого не нашли. Печь на кухне остыла.

Но совсем недавно здесь кто-то жил. Об этом говорили газеты, окурки в банке, овощная кожура в мусорном ведре, судя по виду и запаху, не старая. Не очень свежая одежда, полупустой бельевой шкаф.

Все эти признаки свидетельствовали о том, что в доме проживал одинокий мужчина. Он ушел отсюда несколько часов назад.

Наряд офицеры вызывать не стали. Луговой остался в доме, все прочие отправились по соседям. Большинство жильцов ушло на работу, но кое с кем контрразведчики поговорили.

В доме номер семь обитал мужчина по имени Петр, невысокий, коренастый, нелюдимый. Сам гражданский, с соседями не общался, переехал в Свилов откуда-то с востока полгода назад. Вроде потерял семью под бомбежкой, но точно неизвестно. Бирюк, да еще и непьющий. Работал, если не врал, снабженцем в потребсоюзе, часто уезжал в командировки, отсутствовал по несколько дней. Почему не в армии? Во-первых, возраст, во-вторых, астма – с дыханием проблемы.

Сразу после открытия жилищной конторы сотрудники контрразведки обратились туда. Там они узнали, что фамилия этого гражданина Кошелев, зовут Петр Михайлович, проживает в доме на законных основаниях, плату вносит, живет себе тихо, прямо как еж в норке.

В душе капитана Осокина копилась злость. Подчиненные стояли перед ним и без зазрения совести смотрели ему в глаза. Как будто невиновны. Так не бывает! Любой виновен, если хорошенько присмотреться!

– И куда же он делся, это ваш Петр Михайлович? – язви-

тельно спросил Осокин.

– Без понятия. – Еременко пожал плечами. – Когда вы нас туда послали, дом уже был пуст. Соседка в последний раз видела Кошелева вечером. Он выходил за калитку, вытрясал половик. Горел ли позднее свет в доме, никто внимания не обратил. Он часто отлучается по работе.

– Особенно по ночам, накануне прибытия важных гостей? Не смешите мои тапочки, товарищи офицеры.

Самое неприятное, что могло случиться, – противник уже был в курсе дела. Вот Кошелев и смылся от греха подальше. В этом случае операция на базаре ничего не даст. Или все не так плачевно? Отсутствие Кошелева может объясняться другими причинами. Если его вызвали на работу, то он не мог не пойти туда. Островой с подельником могли появиться в его отсутствие. Данный случай, скорее всего, учитывался. Ключ лежал под крыльцом, проникнуть из переулка во двор можно было незаметно.

Оперативники выслушали инструкции Осокина и сделали скептические мины. Он велел им наблюдение за домом Кошелева поручить милиции, вообще кому угодно, а у отдела другая задача – центральный рынок. Все зыбко, сомнительно, но попробовать стоит.

– Два часа на сон, товарищи офицеры. Больше не получите, времени нет. К двум часам дня все должно быть готово. И не надо обсуждать мои приказы! – Капитан повысил голос. – Даже в том случае, если вы их выполняете!

– Нам бы такое и в голову не пришло, – проговорил Луговой. – Разрешите выполнять, товарищ капитан?

Подполковник Редников, вникнув в ситуацию, стал задумчивее сфинкса, поглаживал выпуклую чернильницу, похожую на лимонку.

– Сам-то как считаешь? – Он устремил на подчиненного придиричивый взгляд.

«Положение стандартное, – подумал тот. – Начальство в тумане. Достижение группы станет его достижением. Неудачи будут списаны на халатное отношение личного состава к выполнению своих обязанностей».

– Считаю, что шанс есть, товарищ подполковник. Причины исчезновения Кошелева пока не выяснены. Агентура противника, засевшая в городе, пока может и не знать о том, что мы накрыли диверсантов. Реагировать следует в любом случае. Нельзя игнорировать такую возможность. В случае неудачи мы ничего не теряем.

– Ну смотри. – Редников покачал головой. – Реагировать надо, я с тобой согласен. Но будьте осторожны, все продумайте. Давайте без шума, солдат не привлекайте, обходитесь своими силами. Не забывайте, что сегодня базарный день. На рынке будет много народа, и преступники попытаются затеряться в толпе.

Глава 3

Рынок гудел. Базарную площадь запрудил городской люд. Изобилие продуктов было делом далекого будущего, а пока страна недоедала. Близость фронта только обостряла это явление, но до голода не довела. Работала потребкооперация, в город поступали продукты из окрестных колхозов и совхозов. Мясо стоило дорого, народ покупал курятину, рыбу. Колхозники торговали зеленью, свежими огурцами, квашеной капустой, прошлогодней картошкой, имеющей весьма дряблый вид.

Покрикивали старьевщики. Граждане продавали поношенную одежду, книги, примусы, керосиновые лампы, разнообразную бытовую мелочь, отрезки ткани, вполне пригодной для пошива. День был выходной, рынок оказался переполнен. Горожане смотрели, приценивались. Шныряли подозрительные личности, присматривали, где и что можно стащить. Мелькали погоны военных, получивших увольнительные. Выстроилась очередь к торговцу махоркой. Он продавал ее стаканами, ссыпал в кульки, в карманы покупателей.

Осокин пристроился в конец очереди. Отсюда просматривалась северная часть базарной площади. Форму офицеры оставили в отделе, на базар пришли в гражданском. Старенький пиджак сидел на капитане свободно, под ним была затертая кофта с ненавязчивым рисунком. Глаза его блужда-

ли по торговым рядам, запоминали лица покупателей.

Сзади пристроился пыхтящий мужик с худым мешком за плечом. Он приобрел ведро картошки, да так и стоял, не снимая мешок с плеча. Видно, что пуганый уже.

Прошел милицейский патруль в темно-синей униформе. Продавцы и покупатели делали постные лица, отворачивались.

Очередь продвигалась медленно. Торговец ссыпал остатки махорки в карман пехотному лейтенанту, побрел, хромя, к тележке, где лежал второй мешок.

Обстановка не менялась. Люди сновали туда-обратно. Худощавая торговка в платочке вступила в жаркий спор с покупательницей по поводу свежести сельдерея, выложенного на лоток. Суть ее возражений была элементарной. Не нравится – не покупай! Старушка интеллигентной внешности презрительно задрала нос и пошла дальше.

Старший лейтенант Моргунов в засаленной куртке поверх пятнистого свитера задумчиво рассматривал примус. Седовласый продавец уже не сомневался в том, что этот парень приобретет столь важную в хозяйстве вещь.

Перебирал потрепанные книги лейтенант Еременко. Вернее, делал вид. Цепкий взгляд из-под козырька кепки скользил по окрестностям.

Блуждал с беззаботным видом, сунув руки в карманы, Мишка Луговой, что-то насвистывал, поглядывал на товар, стал заигрывать с молодухой, торгующей семечками.

Перед началом операции Осокин сделал строгое внушение Островому. Никакой трагичности во взоре! Равнодушная мина, рассеянный взгляд. Можешь, мол, что-нибудь купить. Советские дензнаки у диверсантов водились, причем в приличном количестве и подлинные.

Островой держался, как уж мог. С рассеянностью у него все было в порядке. Он приобрел у хитроглазого субъекта несколько пачек «Беломора» – цена бешеная, но других не было, потом зачем-то бутылку мутного самогона. Формально тип с варикозными руками продавал старые плащи, а из-под полы толкал алкоголь. Свои покупки Островой не скрывал, таскал в сетке. Других приобретений он не делал, бесцельно слонялся между рядами. Ничто не мешало ему рвануть в ближайший переулок и раствориться в городе.

Но офицеры по данному поводу не беспокоились. Сломалось в нем что-то. Не требовалось быть доктором психологии, чтобы это понять. Плюс угроза, нависшая над близкими.

Время шло. Два часа уже было. Восемь минут третьего, а толку никакого. Осокина охватывало какое-то липкое разочарование. Чего и следовало ожидать, не бывает чудес!

Очередь продвинулась на пару человек. В затылок капитану пыхтел мужик с картошкой. Продолжалась базарная круговерть, беспорядочное броуновское движение, разноголосица. Пара пенсионеров с палочками вела ленивый диалог. Дескать, стоит ли брать эту странную капусту.

Островой поднял глаза. Взгляд его поплыл по толпе, до-

стиг капитана СМЕРШ, поехал дальше, словно Осокин был пустым местом.

Городской рынок находился в центре района под названием Маковка, разбегавшегося по холмам над левым берегом Перстянки. Улочки здесь были узкие, кривые, взбирались на горки, падали в ямы. С вершин холмов открывался вид на извилистую реку, железнодорожный и автомобильный мосты. Дома в районе стояли скученно. Их стены, выходящие в переулки, зачастую не имели окон.

Базар находился на одном из немногих ровных участков. Площадь опоясывали облезлые трехэтажные строения. Сюга вытекала улица Кирова, единственная в округе приспособленная для автотранспорта. Пешеходное движение там тоже было плотное. С севера в площадь упирались проулки, мощенные камнем.

Два двенадцать. Пора было сворачивать операцию, расписываться в собственном бессилии.

Мужик с рябым лицом толкал тележку с мешками, покрикивал, чтобы посторонились.

– Куда прешь, чудила?! Не видишь, люди здесь! – заорала тетка, которой колесо чуть не отравило ногу.

Участилось броуновское движение.

Капитан внезапно вспомнил лето двадцать второго года, базар в городке под Тамбовом. Маленький Ваня Осокин приехал на рынок с отцом. Тот продавал последнего отощавшего поросенка. Врезалась в детскую память та поездка.

Колхозы тогда большевики еще не придумали, продукты в стране водились. Но годом ранее товарищ Тухачевский огнем и мечом прошелся по мятежной Тамбовщине. Он приказывал уничтожать крестьян, посмевших выразить претензии, расстреливать из пулеметов повстанческие отряды, обрушивать снаряды, начиненные химией, на деревни и поселки, после чего там невозможно было жить.

Мятеж был подавлен. В деревни снова нагрянула продразверстка. Как уцелел этот поросенок?

Кулаком отец не был, в мятеже не участвовал, даже воевал в Гражданскую на стороне красных, пока не потерял ноги. Иван запомнил, как торговался батя на базаре, махал руками, расписывая достоинства своего упитанного поросся, а потом, украдкой ухмыляясь, прятал за подкладку деньги, вырученные за эту животину.

Вернулись они в деревню без приключений, а ночью в дом ворвались грабители, зарезали отца, выгребли все, что было, включая те самые деньги. Рыдала мать, засовывая онемевшего сына под кровать.

Закричали соседи и вспугнули бандитов. Мать с дитем они не тронули, но, убегая, перевернули бидон с керосином и бросили спичку. Часть дома удалось спасти, люди помогли.

Сотрудники милиции через пару дней наткнулись в лесу на эту банду, потеряли троих, но всех уничтожили, потому как пулемет с собой везли. В числе убитых обнаружился хороший товарищ отца, с которым он часто говорил по душам.

Мать скончалась через пять лет, когда пацан уже окончил восемь классов. Он уехал к дядьке в город и пришел записываться в милицию, где его обсмеяли. Через день парень опять появился. Так он туда и ходил, пока не добился наконец своего. Капитан вдруг напрягся. Фигуранта заслонила медлительная старушка. Когда она отошла, он с кем-то разговаривал, при этом смотрел вниз. Это был мальчишка лет двенадцати в здоровенном картузе и мешковатом одеянии. Он забавно сморщил нос, что-то сказал Островому, мотнул куда-то головой, после чего развернулся и, независимо поплеывая, двинулся прочь. Островой повернулся и устался на дальний проулочек между смыкающимися зданиями.

Тут-то мужик с тележкой и закрыл весь вид! Да еще и встал, не мог протиснуться! Люди костерили его.

Подошла очередь Осокина. Продавец вопросительно уставился на него. Да какая теперь махорка?

Иван покинул очередь, не сказав ни слова, быстро зашагал прочь, лавируя между людьми. Оторопевший торговец смотрел ему в спину. Отъехал наконец мужик со своей клятой тележкой! Пацан пропал. А был ли он вообще?

Островой, помахивая сеткой с ценными приобретениями, направлялся к проулку. Покачивалась широкая спина. Он проявлял нерешительность, вроде шел, потом притормозил, словно обернуться хотел, спросить совета у своих опекунов, медленно двинулся дальше.

Осокина аж пот прошиб. Неужели сработало? Но при чем

тут пацан? Рановато в таком возрасте вступать в ряды доблестной германской разведки.

Среагировали остальные члены группы, стали смещаться, глядя на командира. Кто-то толкнул его, проходя мимо, но вежливый попался, извинился. Осокин знаком приказал своим подчиненным не спешить, оставаться на месте.

Острового сейчас уведут, и что тогда? Вернется ли назад? Да куда он денется! Обязательно вернется. Как та кошка, которую отнесли подальше в лес и выбросили.

Предатель вошел в переулок. Он явно не хотел это делать. Но все же решился, исчез за углом. Что там? Колдобистый проход, дорога вниз, два поворота, выход на улицу Прибрежную, тянущуюся вдоль реки.

Капитан, стреляя глазами, ускорился, жестом приказал своим осмотреться. Тут обязательно есть люди противника!

Как быть, дать фигуранту уйти или брать того типа, который позвал его в переулок? Пожалуй, второе. Уж лучше си-ница в руках, чем журавль непонятно где.

Прошло секунд сорок с того момента, как Островой исчез за углом. Иван задел плечом водосточную трубу. Рука его машинально отогнула полу пиджака, расстегнула кобуру.

Проулок был узкий, метра два с половиной. Выбитая брусчатка, мусор, сорная трава пробивалась через камни. Дорожка забирала вниз, метрах в тридцати сворачивала вправо. Рослые каменные заборы с двух сторон, за ними облупленные здания, сплошные стены почти без окон. Как в каком-то

оужном городе или на мусульманском Востоке.

В переулке никого, только тело, корчившееся в крови. В трех шагах от него валялась сетка. Бутылка вдребезги, папиросы раздавлены.

Иван кинулся прыжками, выхватил пистолет. Убийца недалеко увел свою жертву, прошагал рядом с ней двадцать метров и ударил ножом.

Островой выгибался, подтягивал под себя ноги. Он смотрел в глаза контрразведчику, зажимая рану на животе. Кровь сочилась сквозь пальцы. Рот беззвучно открывался. Рана была глубокая, шансов не оставляла. Он сам это понимал, усмешка перекосила искаженное лицо.

– Алексей Егорович, все будет хорошо, – пробормотал Иван, склоняясь над умирающим. – Можете сказать, кто вас ударил? Медики скоро придут, вас увезут в больницу.

Островой уже не реагировал, затрясся в агонии. Взгляд его остановился, дернулась рука, ударила по брусчатке.

Со стороны базара в переулок вошли мужчина с женщиной. Дама попятилась, закрыла рот ладошкой. Мужчина выронил трость, стал ее поднимать, с его носа слетели очки.

– Военная контрразведка! – прорычал Осокин. – Всем назад, не заходить! Переулок закрыт!

Прохожие испарились.

Кровь отлила от лица капитана, ярость душила его. На ошибках учатся, но ведь именно такой ход событий был вполне предсказуем. Значит, местная агентура уже в курсе,

что группа Федоренко накрылась медным тазом, а Острового используют органы!

Высунулся из-за угла Луговой, хлопнул глазами, а потом подошел, весь из себя унылый и расстроенный.

– Смелее, товарищ, не стесняйтесь! – съязвил Осокин. – Где ваша хваленая оперативность?

Луговой опомнился, пустился вприпрыжку, выхватил табельный «ГТ». Самое время махать кулаками после драки.

К месту убийства подбежали остальные офицеры. Островой уже отмучился, лежал в луже крови, тоскливо глядя в небо.

– Как же так, товарищ капитан? – Луговой схватился за голову. – Кто его, вы видели? Не пацан же прирезал.

– Пацан не мог, – изрек Моргунов. – Этот малолетка только прошептал ему что-то и убежал в другую сторону.

– Судьба. – Еременко меланхолично вздохнул. – Свой своего прирезал.

– Ты еще про злой рок вспомни, – огрызнулся Осокин. – Луговой, давай туда! – Он ткнул пальцем вверх по переулку, где снова кто-то мялся, не решался войти. – Не пускать никого. Здесь место преступления. Пусть граждане другие маршруты ищут. Еременко, дуй вниз, на Прибрежную и закрой там проход. Моргунов с ним, опроси людей на улице. Кто несколько минут назад выходил из переулка? Там булочная, пара лавок, чистильщик обуви сидит. Кто-нибудь обязательно что-то видел. Как выглядел, во что одет, куда пошел.

Их могло быть двое. Вперед! И патруль сюда!

Подчиненные разбежались. Иван перевел дыхание, прислонился к стене.

Как же быстро сработали эти сволочи. Знали, что на базаре Островой находится под наблюдением. Использовали мальчишку, который отправил фигуранта в переулок, понимали, что в запасе у них только несколько секунд. Фартовые ребята. Повезло им, что в проулке никого не оказалось.

Через пару минут к капитану контрразведки подбежали два милиционера. Оба достали пистолеты, вид имели растерянный, но боевой.

– Отставить! – Осокин вскинул удостоверение. – ГУКР СМЕРШ. Это наш покойник, но работать с ним придется вам. У нас некому. Один пусть останется здесь, другой вызовет оперуполномоченных, судебного медика. Осмотреть место преступления, сделать заключение по трупу, и чтобы ваше начальство рапортовало нашему. Есть вопросы?

– Товарищ капитан, а вы не больно ли много хотите?.. – начал было один, но второй толкнул его локтем, дескать, не связывайся.

Военная контрразведка еще не стала силой, вызывающей страх, но вставать у нее на пути уже мало кому хотелось.

– Мы все поняли, товарищ капитан, сделаем, – уверил Осокина этот милиционер.

– И укройте его чем-нибудь.

– Чем же мы его укроем? С себя снимем?

– Да мне плевать, – проворчал Иван и припустил вниз по переулку.

Узкая дорожка выходила на Прибрежную улицу. По ней ходил автотранспорт, здесь работали магазины. Хвоста на улице перед булочной сегодня не было, вся очередь поместилась внутри.

Лейтенант Еременко разбирался с какими-то мужиками, совал им под нос служебное удостоверение. Те что-то сказали ему и пошли прочь, пожимая плечами.

Моргунов опрашивал паренька с сапожной щеткой. Тот делал озадаченное лицо, что-то бурчал.

Неподалеку функционировала открытая чайная. Два сержанта жевали там пирожки и запивали их какой-то буровой жидкостью, совершенно не похожей на чай. В шаге от этого заведения стоял газетный киоск, в нем зевала снулая особа с продолговатым лицом.

– Не понимаю, товарищ капитан. – К командиру подошел Моргунов. – Я сразу сюда прибежал, порхаю тут, как пчелка. Сколько времени прошло? Минут шесть-семь, не больше. Все как один твердят, что из переулка никто не выходил. То есть вообще, представляете?

– Это как?

– А вот как хотите, так и понимайте. Эти сержанты уже жевали, когда я подбежал. Тетка в киоске говорит, они давно сидят. По пирожку с картошкой съели, покурили, потом опять взяли. Я проверил. Они из комендантского взвода,

увольнительная до вечера. Пожимают плечами, твердят, что никто не выходил. И тетка в этом уверена, и вон тот чистильщик.

– Еще раз всех опроси. Не может такого быть.

– Ладно, опрошу.

Как могли эти люди ничего не видеть? Сговориться всей компанией? Невозможно. Боятся последствий от тех, на кого укажут? А СМЕРШ они не боятся?! Скорее всего, эти люди действительно ничего не видели.

Подъехала милицейская машина, из нее высадились люди в форме и без. Еременко впустил их в переулок, сдал пост милиционеру.

Подкатил дребезжащий ГАЗ-4 с символикой медицинской службы. Санитары извлекли из машины носилки, тоже потянулись в переулок.

Моргунов провел очередной блицопрос и получил тот же результат. Сержанты с любопытством поглядывали на него. Снулая тетка высовывала голову из газетного киоска. Осокину так и хотелось ее отрубить.

Он сделал знак своим оперативникам. Пошли, бездельники!

В переулке было людно. Медики осматривали тело. Пожилой человек в очках обнюхал разбитую бутылку и пристально разглядывал брусчатку.

Капитану пришлось остановиться и ввести этих товарищей в курс дела.

– Все понятно, финский нож, – сделал заключение субъект с горбатым носом. – Удар в живот нижним хватом. Лезвие вошло почти прямо, значит, злодей одного роста с потерпевшим либо слегка повыше.

– Слышь, Кузьмич, ты чего там ищешь? – спросил у старшего товарища нетерпеливый молодой опер.

– Да подожди ты, – отмахнулся субъект в очках. – Преступник мог что-то оставить на месте преступления.

– Да что он мог оставить? Комсомольский значок? – сказал парень, перехватил тяжелый взгляд офицера контрразведки и осекся.

Место преступления теперь охраняла милиция.

Иван собрал своих людей у выхода на базарную площадь, обозрел их сконфуженные лица и произнес:

– Ладно. Я виноват не меньше вашего. Пацана все запомнили?

– Да, – сказал Луговой. – Лет двенадцать-тринадцать, коротышка, уши торчком, башку от рождения не мыл. А еще картуз на ней. У взрослого дядьки, видать, стащил.

Остальные согласно кивали. Пацана срисовали все.

– Так почему стоим? Живо искать малолетку. Он явно из местной шантрапы, на базаре вертится.

Пацан проявился минут через пятнадцать. Он и не думал прятаться.

Базарный день подходил к концу, торговцы сваливали в мешки нераспроданный товар. Число зевак и покупателей

заметно сократилось. Часть торговых рядов уже опустела.

Осокин лично засек фигуранта. Местная шпана в возрасте от девяти до пятнадцати лет пристроилась на лестнице, ведущей в полуподвал. Мальчишки курили через одного, весело обменивались впечатлениями от прошедшего базарного дня.

Тот самый пацан был явно своим в этой компании. Он пускал дым кольцами, ржал, как жеребенок, сыпал матерками попеременно с феней и при этом бдительно поглядывал по сторонам, то есть был уже пуганый.

На другой стороне базарной площади объявился милицкий патруль. Мальцы тут же напряглись и стали по одному исчезать.

Иван из-за киоска наблюдал за своим подопечным. Тот тоже отклеился от поредевшей компании, сунул руки в карманы и юркнул в ближайший переулок. Факт агрессии со стороны незнакомого дядьки он не проглядел бы. Мальчонка был глазастый.

Переулок выходил на улицу Кирова, больше там свернуть было некуда. Напрямую пацан добрался бы быстрее, но, наверное, уже обзавелся инстинктом, который заставлял его избегать общественных мест. Значит, этот шкет не раз имел терки с милицией.

Бегать за ним и смешить народ капитану контрразведки СМЕРШ вовсе не хотелось. Он зашагал по Кирова, юркнул в проулок, перехватил по пути подозрительный взгляд пожи-

лой женщины.

Когда пацан, насвистывая, вылутился из-за угла и направился к выходу на улицу, на углу его поджидало прелюбопытное зрелище. У какого-то мужика развязался шнурок на ботинке. Он отвернулся к стене, нагнулся и неловко возился с ним. Из его заднего кармана призывно торчал кошелек. Пройти мимо всего этого не смог бы даже самый честный человек на свете!

У мальчишки загорелись глаза. Он сбавил ход, осмотрелся, стал на цыпочках приближаться к этому типу, потянул тонкими пальцами кошелек, из которого Осокин на всякий случай заранее удалил все деньги. Медлить было опасно. Пятки засверкают, не догонишь. Осокин резко повернулся, схватил пацана за запястье. Ключнула золотая рыбка и попала!

Малолетний преступник взревел благим матом, стал извиваться, слезы брызнули из его глаз. Он метался взад-вперед, насколько хватало вытянутой руки, даже сделал круг вокруг капитана, словно хоровод водил вокруг елочки. Но тот держал добычу мертвой хваткой.

– Мужик, отпусти, что я тебе сделал?! – провизжал малолетка.

– Кошелек пытался стянуть, граждане, – объяснил Иван паре, проходящей мимо, и в качестве доказательства похлопал себя по заднему карману.

Мужчина понятливо кивнул. Женщина сглотнула, прижа-

ла к груди облезлую сумочку.

– Ничего я не пытался! – взвился мальчишка. – Врет он все, люди добрые! Шел себе, никого не трогал. Мы в городки играли, вот домой возвращаюсь. Чего тебе надо, мужик?

Осокину пришлось стукнуть его по затылку, чтобы сбавил громкость. Шансы на исправление у ребенка имелись, мал еще был, не закоренел.

Пара торопливо прошла мимо. Женщина оглянулась.

Иван перехватил мальчишку за шиворот, втащил в переулок. Тот отбивался, пытался засадить ногой по причинному месту. И ведь чуть не преуспел в этом! Глаз да глаз за такими детками!

Вторая затрещина выполнила свою воспитательную функцию. Пацан икнул и прекратил сопротивление. Он ежился, втянул голову в плечи, смотрел волчонком, явно ожидал удобного момента, чтобы смыться.

– Все, ша, малек! – Иван встряхнул податливое тельце и прислонил к холодной стенке.

Свободной рукой он достал из кармана удостоверение, сунул огольцу под нос.

– Читать умеешь, мелочь дворовая? Я не из милиции. Военная контрразведка. Слышал про такую?

– Ух!.. – Пацан обмяк и по-настоящему испугался.

Осокину было приятно. Контрразведке СМЕРШ без году неделя, а про нее слышали даже пацаны в подворотне.

– Мужик, так ты не из милиции?

– Молодец, грамоте обучен. Значит, не такой пропащий. А теперь давай побеседуем. Останусь доволен нашим общением, свалишь на все четыре стороны. Будешь байду гнать, сдам настоящим ментам, и окончание этого дня ты встретишь за решеткой. Ближайшие годы будешь не в городки играть, а в козла тюремного. Никогда не играл? Не бойся, это со спичечным коробком. Нормальная перспектива?

– А чего я сделал-то? – заныл отрок. – На арапа меня взял, да? Чего сидел тут, выставил свой лопатник? Как я мимо-то пройду?

Действительно, как устоять перед таким соблазном? Мертвый не выдержит.

– Ладно, замяли. Будешь паинькой, ничего тебе не сделаю. Отпускаю тебя, но если дернешься, попытаешься сбежать, то я знаю, где тебя искать, и ответами на вопросы ты уже не отделаешься.

Пацан почувствовал свободу, дернулся, но передумал, кусая губы. Под глазом у него заживал синяк, невымытые волосы смялись под картузом. Но в принципе не бродяга. На штанах недавние заплаты, ботинки чинены. Значит, дом имеется и мамка какая-никакая.

– Давай говорить, губошлеп. Имя-то у тебя есть?

– Лехой кличут. Павлушкин моя фамилия. А что?

– Ты на базаре к фраеру подвалил... – Осокин в трех словах описал внешность Острового. – Сказал ему что-то и смылся. Колись, что ты ему говорил и кто тебя надоумил.

– Да я уж не помню. – Парнишка как-то скукожился, стал покрываться пятнами. – Разве все упомнишь, мужик? Базарный день, то да се, к одному подойдешь, к другому. С этим перетрешь, с тем потрещишь.

– Деловой ты парень, свой во всех приличных компаниях. Только гусей мне не гони, договорились? Тот фраер, к которому ты подвалил, уже труп и в морге лежит. Ножиком его в переулке прирезали. А туда ты его отправил. Вникаешь в расклад? Не передам я тебя ментам, Леха. Мы своим ведомством с тобой управимся. Радуйся, что мал еще и законы советского государства к тебе снисходительны. В детдом хочешь?

– Эй, мужик, какой детдом? – Пацан неудержимо превращался в перепуганное пятнистое существо. – У меня же мамка живая.

– Далеко на север поедет твоя мамка. Лес рубят, щепки летят. Политика нынче такая. Влип ты в опасное дело государственной важности, Леха, так что не обессудь, придется мамане отвечать за твои прегрешения. Будешь говорить?

– Да буду я. – Пацан затрясся. – Чего ты пугаешь меня, мужик, я пуганый уже. Взгляд у того дядьки был хреновый. Он вроде улыбался, добренького изображал, а так смотрел, что меня чуть не вывернуло. Бродил я себе по рынку, не трогал никого, а этот лапу положил мне на плечо, смотрит, лыбится и говорит так ласково: «Заработать хочешь, шкет?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.